

СОДЕРЖАНИЕ

1. О вере слепой и видящей.
Видящая вера ясно видит, во что
и почему верует. Как решать недоумения
о предметах веры..... 17
2. О вечности мучений нераскаянных
грешников. Поправка неправых мнений
о том, как согласовать вечные муки с Божиим
милосердием. Есть ли покаяние за гробом.
Различные степени блаженств и мучений.
Грех извращает и оскверняет весь состав
человека. Покаяние возможно
только при жизни. В чем будут состоять
мучения 26
3. Любящий Бога страшится Божия гнева
за грехи. Мы грешим по слабости ко греху,
но всегда произвольно. Средство
к избежанию греха гнева и вспыльчивости.
Способ удерживать себя от всего дурного 51
4. Мысль притчи о неправом управителе.
Об отвращении главной беды — осуждения
за грехи. Как обеспечить свое будущее
благодетельством и милостью 58
5. О Втором Пришествии Господа
и всеобщем воскресении..... 65

6. О сознании себя грешным
и начале исправления. О паломничестве
в Иерусалим. О чтении Псалтири 70
7. Поправка неправых мнений о Втором
Пришествии и Суде. О воскресении
мертвых. О частном суде после смерти.
Как следует жить, чтоб быть спасену.
Путь спасения — верное исполнение
заповедей Божиих 73
8. Первое письмо в С.-Петербург
по поводу ереси тамошней..... 84
9. О хороших и неисправных священниках.
О всеусердной молитве Господу
об исправлении ближнего..... 147
10. О молитве. О стяжании нерассеянной
молитвы. Настоящая молитва
есть возношение ума и сердца к Богу 153
11. О тщеславии. Крайняя пагуба от тщеславия.
Как бороться с ним..... 158
12. О борьбе с рассеянием. Как стяжать и уберечь
внутреннюю теплоту и собранность. Как всем
делам придавать угодный Богу характер 162
13. О борьбе с утомлением, разлением души
и слабением воли. Как отогреть
охладевшую душу 165
14. По поводу выбора безбрачия.
О ревности об исполнении заповедей.
О стяжании чистоты сердечной.
О внутренней брани..... 168
15. О достойном причащении.
Как часто следует причащаться 171

16. О борьбе с осуждением и злословием. Осуждение навлекает строгий суд. Вместо осуждения надо молиться о ближних. Переучивать надо себя, а не других.....	174
17. О борьбе с властолюбием.....	177
18. О заучивании Евангелия на память. О приложении Евангелия к своей жизни	180
19. Об ответах на укоры об оставлении общественной жизни. Ищущий спасения не живет для себя. О мироотречном и безбрачном образе жизни	183
20. О борьбе с разлением и позывами на льготы. Опасно и минутное послабление. Желание льгот — первый враг трудов во спасение. Терпение — основа жития во спасение	195
21. Мысли на Благовещение. О соединении с Господом в Таинствах	199
22. О нечувствии сердца.....	203
23. О согласовании евангельских сказаний о воскресении Господа. Последовательность событий.....	206
24. Второе письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней.....	237
25. Третье письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней.....	282
26. Четвертое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней.....	339
27. Пятое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней.....	397

28. Шестое письмо в С.-Петербург
по поводу ереси тамошней..... 426
29. Седьмое письмо в С.-Петербург
по поводу ереси тамошней..... 454
30. Внешнее устройство Церкви — выражение
внутреннего настроения душ и ведет
к возбуждению и укреплению внутреннего;
существо же дела есть внутренняя жизнь,
чтоб духом в Боге жить. Враг многих сбил
с пути, внушая, что Богу надо служить
духовно, а внешнее бросить..... 480
31. О саможалении и самоугодии 488
32. По поводу несчастных обстоятельств жизни.
Господь нас никогда не оставляет,
а только дает разные положения
и состояния. Все, бывающее от Бога,
бывает к существенному благу нашему 496
33. О решении оставить мир и посвятить себя
на служение Господу.
О духовном руководстве 508
34. О молитве со смирением.
О молитве церковной и домашней.
Надо воспитать в себе молитву..... 511
35. О жизни в монастыре — внешней
и внутренней. Никто, кроме Господа,
не может научить истинному
познанию себя 515
36. О гордости и тщеславии.
Какие бывают проявления гордости..... 519
37. О внимании себе. Бог судит о человеке,
как он есть внутри, в сердце 523

38. О ревности по правде,
не от Бога бывающей.
О хранении мира душевного..... 526
39. О жизни монашеской.
О молитвенном правиле и поклонах..... 530
40. Принимая без разбора мысли о других,
легко попасть в сети врага. О внутренней
борьбе. О вмешательстве врага в наши
внутренние и внешние дела. О роящихся
внутри нас помыслах. О монашеской жизни.
Главная цель монашества — жить всегда
в Боге. О духовном назидании 538
41. О перенесенном искушении. Враг есть
в существе своем мрак и смятение, поэтому
тревоги и смятения сопровождают его,
кого бы он ни коснулся. Искушения
не бывают без Божия поущения 554
42. О памяти Божией и должном держании себя
в отношении к Господу. О домашней
молитве. О сердечном обращении к Господу558
43. О терпеливом перенесении болезни.
О стяжании навыка ходить пред Богом.
О навыке молитвенном. Как низойти умом
в сердце и там стоять вниманием.
О совершении молитвенного правила..... 562
44. Как пресекать самоугодие.
Что значит быть умом в сердце.
Об образе совершения молитвословия 571
45. Предостережения от прелести вражией.
Мерой успеха в духовной жизни
надо считать чувство недостойности
пред Богом..... 578

46. Предостережения от прелести.
 Самоценение и возношение завершаются
 гордыней богопротивной. Об умении
 различать помыслы. Как пресекать
 блуждание мыслей..... 585
47. Трудно ли спастись?
 О различении помыслов..... 589
48. Остережение от козней врага.
 О смирении. О чувстве отрешения
 от всего земного..... 593
49. О состоянии охлаждения. О себяжалении
 и самоугодии. Вражия логика 596
50. О вражиих кознях. Прodelки врага
 ничтожны пред вниманием и молитвой.
 О сердечной молитве. О сне. О решении
 вопросов по святоотеческим книгам.
 О страхованиях от врага..... 601
51. Об отшествии благодати Божией.
 Благодать удерживается в душе смирением.
 О хитростях вражиих 605
52. Опирается можно лишь на Господа
 и лишь Ему отдавать сердце. Об отрезании
 от всего. Желание совершенства 610
53. О терпении неприятностей.
 Как приобретается смирение.
 Смиренная уступчивость — лучшее
 охранение от нападков других. О ленисти,
 желании поблажек и покоя плоти.
 О молитвенном правиле. Что есть постриг 614
54. Воодушевление против уныния.
 О тесном пути. Какие бывают сны 620

55. Главное в молитвенном труде.
 Как принимать приходящих.
 Не допускайте саможаления..... 623
56. Об утешениях от Святого Причащения.
 О радостном плаче, или радостопечалии.
 Похвала — дело небезопасное. О выписках
 из читаемых книг 627
57. Против разлечения. О молитвенном
 правиле. О чтении святоотеческих книг..... 631
58. Как собраться умом в сердце. О молитве
 Иисусовой. Самопротивление
 и самопринуждение — первые формы
 спасительной христианской жизни..... 636
59. Лучшее положение для молящегося —
 стоять, как на Страшном Суде. О блуждании
 мыслей на молитве; как уврачевать
 эту немощь..... 640
60. Закон постничества. Веровать надо,
 что Господь внутри нас есть —
 в силу Крещения и Причащения,
 по обетованиям Его. О записывании
 мыслей догматических или нравственных,
 приходящих во время молитвы.
 О молитвенном настроении 644
61. Об утешениях от Святого Причащения.
 Об уставе постническом. О возобновлении
 душеполезных мыслей и чувств 649
62. Вред от осуждения. О страхе Божиим 653
63. Болезнь вместо пощения. Как зачинается
 потаенный сердца человек..... 656

64. О молитвенном правиле	658
65. Три побуждения к деятельной христианской жизни, к доброделанию. Об очищении сердца. О наемничестве и сыновстве Богу	660
66. Умная молитва — долг и мирян. У кого нет умной внутренней молитвы — у того никакой нет. Что есть молитва. Средство к стяжанию умной молитвы	666
67. В чем хитрость врага, его прелесть и сеть. Грешность на языке и самоправедность в сердце	676
68. Таинство ли постриг? Признаки благодатного состояния. О чувстве своего достоинства. Что нужно для жизни в духе	680
69. О частом причащении. О самомнении и самоценении. Как говорить с другими о духовной жизни	685
70. Приемы вражеских искушений. О вражеских хитростях	689
71. О плаче. У сектантов нет Христа	694
72. О вражеских кознях	700
73. В чем состоит самопознание. О терпении. Как искушает нетерпение	704
74. Стойте вниманием в сердце. О превозношении и тщеславии. О домашнем молитвенном правиле и поклонах	707

75. Происхождение пашковской ереси.
Сектанты не осеняют себя крестным знаменем, так как это противно живущим в них духам 710
76. О навывковении непрестанной молитве.
Как покрепче усвоить Таинства нашей святой веры. Как воспринять догматы веры сердцем.
О поддержании молитвенной ревности.
О помыслах, от врага всеваемых 712
77. О тщеславии. Не поддавайтесь смутительным помыслам — они всегда вражьи, хоть и кажутся очень правыми.
О пользе самообвинения. Как должно обходиться со всеми лжеучителями и ложью 717
78. Враг сманивает душу на мечты, особенно в церкви и дома на молитве, чтобы отвлечь внимание от Бога. Об умной молитве и благоговеинстве. Козни врага уразумеваются вниманием себе 723
79. Внимание — корень внутренней духовной жизни. Враг, вооружаясь на внимание, влагает помысл о льготах и развлечениях. О молитвенном правиле 726
80. Чувство собственного достоинства — вещь очень опасная. Предостережение от прелести при неправильном образе совершения молитвы Иисусовой. Внутренний достодолжный строй при молитве Иисусовой.
О домостроительстве Божиим 730

81. О состоянии охлаждения. Теплота уходит
от допущения льгот и послаблений..... 735
82. Надежду надо иметь на милость Божию,
а не на свои труды. Что есть епитимия 738
83. О наказательном и научительном отступлении
благодати. Нам ко Кресту Господню
надо привиться 741
84. О домашней молитве. О приходе во время
молитвы решений вопросов жизни духовной.
О самоукорении и самооправдании.
Об огне искушений. О тягостении жизнью 746
85. Пред Богом следует держать себя
в крайнем благоговействе. Об опасности
мечтательных гаданий в духовной жизни..... 751
86. Примеры записывания добрых мыслей,
приходящих во время богомыслия
и молитвы, числом 162..... 755

✠
ПИСЬМА
К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

о разных предметах веры и жизни

— ❧ — 1 — ❧ —

О ВЕРЕ СЛЕПОЙ И ВИДЯЩЕЙ.
ВИДЯЩАЯ ВЕРА ЯСНО ВИДИТ,
ВО ЧТО И ПОЧЕМУ ВЕРУЕТ.
КАК РЕШАТЬ НЕДОУМЕНИЯ
О ПРЕДМЕТАХ ВЕРЫ

Вас занял вопрос о вечности мучений. —
Доброе дело! Но стали вы об этом рассуждать
и набрались недоумений, не умея решить
которые начали колебаться и в самой вере
в этот догмат. Вам думается, что коль скоро
есть недоумения против какого-либо догмата
веры, то ему и верить нечего; потому что ина-
че вера будет будто не разумной, а слепой, —
будет не вера, а суеверие. — По этой причине
у вас в голове собрался большой шум. Не же-
лая в чем-либо погрешить против веры, вы
ищете вразумления. С удовольствием готов

исполнить ваше желание, и как у вас вся путаница произошла оттого, что, боясь обличения в слепой вере, вы взяли за рассуждение умовое, которое и завело вас в накрывший вас туман, то сначала и скажу вам слово-другое о вере слепой и неслепой и о том, в какой степени надо доверять своему уму в предметах веры.

Слепой вере противоположна вера видящая. Какая же это? Вера видящая есть та, которая ясно видит, во что верует и почему верует. Ясное видение, во что верует, обнимает все содержание веры, — что Бог есть Един по существу и Троичен в Лицах, что Он весь мир сотворил словом Своим и о нем промышляет, и в целом и в частностях; что мы сотворены для лучшей жизни, но пали в прародителях и все томимся в изгнании; что беду сию мы сами на себя навели, но высвободиться из нее сами не имели возможности, почему воплотился Сын Божий и избавил нас от всего, чему подверглись мы вследствие падения, Своими страданиями, смертью, воскресением, вознесением на небеса и седением одесную Бога и Отца; что для того, чтоб каждый из нас делался причастным благ спасения,

совершенного Господом, Дух Святой сошел на апостолов и чрез них Церковь Святую основал на земле, в коей Церкви и пребывает, всех верующих чрез Святые Таинства возрождая к новой жизни, укрепляя на всякое добро, очищая от всякого зла и освящая, и чрез все сие к вечной жизни приготавливая и Царства Небесного наследниками соделывая; и что все верными сынами и дочерьми Церкви Божией до конца себя сохраняющие несомненно Царство Божие наследят, а неверными ей оказывающиеся в ад попадут на вечные мучения. Все сие ясно зрит и ведает определенно видящая вера.

Видит она ясно и определенно и основание, почему так верует. Но оснований этих у нее не много, а одно, потому верует, что Сам Бог повелел так, а не иначе веровать, — основание самое разумное, разумнее и тверже которого ничего нет. Ибо что Бог сказал, то уже всеконечно есть совершеннейшая истина, против которой неуместны и возражения. В полном смысле настоящая вера и есть та, когда кто верует потому только, что так Бог повелел, и когда для того, чтоб уверовать,

ничего больше не ищет, как узнать, как Бог повелел, и как только узнает, что Бог повелел так и так верить, так и успокаивается на том полном успокоении, не допускающим никаких колебаний.

Сия детская вера, беспрекословно верящая Богу — Отцу своему! Ее-то и требовал Господь, когда сказал: *Аще не будете яко дети, не увидите в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Из сего можете вы сами заключить, что кто иным каким-либо образом верует, о том нельзя не усомниться, войдет ли он в Царство Небесное.

Такая детская вера не есть слепая, а видящая, и видящая все глазами чистыми, ничем не запорошенными. Она только в умо-вые исследования не пускается, а как узнает, что Бог так сказал, так и успокаивается. Это у нее самая верная, самая прочная и самая разумная основа на все верования. Слепая вера есть та, которая не знает, во что должно верить, или если знает, то не полно, кое-как; равно не знает и того, почему должно верить, и не заботится узнать ни того, ни другого. Такова большей частью вера простого

нашего народа, но не исключительно, ибо и между лицами высшего и образованного круга очень много таких, если не наибольшая часть. И в простом народе не редкость сильная детская вера видящая, за которой куда гнать нашей ученой вере?!

У нас вошло в обычай слепой вере противопоставлять разумную, а под разумной верой разумею веру ученую, которая не довольствуется одним тем основанием, что «Бог так повелел, и верую», — но ко всему примешивает и соображения своего ума, и когда начнет говорить о предметах веры, то говорит о них так, как бы это было постижение его ума, стыдясь даже помянуть, что так Бог повелел, видя в этом унижение уму своему. У иных это доходит до того, что они и совсем верить не хотят ничему такому, что не сумеют подвести под начала своего разума и согласовать с суммой добытых им понятий и с установившимися в голове воззрениями на сущее. На сие скажу: никакого нет греха доискиваться некоторых умовых соображений в уяснение и полнейшее уразумение предметов веры. Это делали нередко и святые отцы.

Но надо заметить, что к существу веры это ничего не прибавляет, и есть совсем побочное или придаточное дело. Будь это или не будь, вера, верующая Богу, как сказано, нисколько от того не теряет. Кто набрал себе таких соображений, не имеет у Бога преимущества пред тем, кто не имеет их, а искренно и ясно верует во все веруемое по тому одному, что так Бог повелел. Это замечание надо крепко держать в уме, чтоб не породилось лукавое в сердце предпочтение своих соображений тому единственно прочному основанию: Бог так повелел, и верую. Ибо в таком случае человек выходит из детскости и сам себя подвергает опасности, в коей находятся не имеющие детской веры: *Аще не будете яко дети, не увидите в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Как ни мудр будет ум, все ему окончательно надо стоять на том, что — Бог так повелел, и верую. Но само собой уже разумеется, что по мере того, как дается предпочтение своим соображениям, вера слабеет и теряет свое значение; а где своим только соображениям верят, там и совсем веры нет, а есть умствования о предметах веры.

Когда строятся в уме умовые соображения о предметах веры, тогда наиболее приходят и недоумения, колеблющие веру. Правда, что они прокрадываются и в душу, детски верующую. Но тут им обычно никакого хода не дают, сразу прогоняя их, в той уверенности, что это наверное какой-либо кривотолк. Но так же надобно поступать и тем, которые не довольствуются и не умеют довольствоваться простой верой. Недоумения против веры то же суть в области веры, что дурные помыслы и позывы, противные добронравию и заповедям в сфере жизни. Последние как мы встречаем? Отталкиваем, — и конец. То же следует делать и с первыми. Пришли недоумения, отгони их мечом веры, и конец. И это будет самое разумное действовање. Когда ясно ведомо, как Бог повелел веровать, разумно ли против того допускать возражения, а не только строить? Когда Бог говорит, тварь должна слушать и слушаться.

Это первый акт — отбить недоумение, оставаясь на стороне веры, без колебаний. Когда это сделано и покой веры возвращен сердцу, тогда можно против недоумений

искать разъяснений, кто хочет. И это неумудрено. Их всегда можно найти в восстановлении точного учения о предмете веры, подвергшемся нападкам недоумения. Все недоумения исходят от того, что какой-нибудь предмет веры затемняется и ясное представление его не созерцается. Коль скоро этот недостаток будет восполнен, тотчас недоумение рассеется само собою.

Грешат против сего много те, которые, лишь только родилось какое недоумение, тотчас переходят на сторону его и вражески готовы выступить против веры, мечтая в то же время, что они начинают действовать неким возвышенным образом, — не то что иные невегласы слепцы, и проч. Хорошо ли делает тот, кто, лишь только пришло дурное желание, тотчас переходит на сторону его и исполняет его? Конечно, дурно. Дурно делает и тот, кто, как только родилось недоумение, тотчас вместе с ним начинает вооружаться против веры. Когда недоумение касается такого предмета, о котором известно Божие определение, то такого рода действие есть богоборство. Законный образ действия должен

быть такой: пришли недоумения — не допускай их до сердца и не возмущай ими покоя веры; оттолкни их, стоя сердцем на стороне веры, а потом ищи разъяснения. Придет разъяснение — добре; не придет — беда не велика. Покой веры цел, — не слепой, а той, которая видит и знает, как повелел Бог. Повелевает неложный Бог, а недоумения кует нам умишко, — задорный, но слепой.

Этими пояснениями теперь ограничусь. Рассеяние ваших недоумений отлагаю до следующего раза.

—❧— 2 —❧—

О ВЕЧНОСТИ МУЧЕНИЙ НЕРАСКАЯННЫХ
ГРЕШНИКОВ. ПОПРАВКА НЕПРАВЫХ
МНЕНИЙ О ТОМ, КАК СОГЛАСОВАТЬ
ВЕЧНЫЕ МУКИ С БОЖИИМ
МИЛОСЕРДИЕМ. ЕСТЬ ЛИ ПОКАЯНИЕ
ЗА ГРОБОМ. РАЗЛИЧНЫЕ СТЕПЕНИ
БЛАЖЕНСТВ И МУЧЕНИЙ. ГРЕХ
ИЗВРАЩАЕТ И ОСКВЕРНЯЕТ ВЕСЬ
СОСТАВ ЧЕЛОВЕКА. ПОКАЯНИЕ
ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО ПРИ ЖИЗНИ.
В ЧЕМ БУДУТ СОСТОЯТЬ МУЧЕНИЯ

Начну с Божией помощью восставлять поколебленную веру вашу в вечность мучений и успокаивать душу вашу.

Недоумение ваше таково: «Как можно, чтоб будущие мучения были вечны?! Никак нельзя. Это благодати Божией противно». — Прежде всего спросите у своей детской веры,

знает ли она, что Бог именно так определил? И если не знает, просветите ее, указав ей прямые Божеские о сем определения. Господь ясными словами, не допускающими никакого перетолкования, говорит: *Идут сии в муку вечную* (Мф. 25, 46). — Это говорит Господь, нас ради человек и нашего ради спасения воплотившийся, пострадавший, умерший, воскресший, вознесшийся на небеса и седший одесную Отца, чтоб и там выну ходатайствовать тоже о спасении всех и каждого. Если говорит так Тот, Кому столько стоило спасение наше и Кто ничего так не желает, как чтобы все спаслись, верно, иначе сему быть нельзя. Кажется, такой вывод столь верен и непреложен, что и колебаний никаких допустить не может. А мы с вами что сделали? Так увлеклись недоумением, что заподозрили и подлинность Писания, и верность толкования, говоря: «Или не так написано в подлиннике, или не так истолковано». Так понравилось нам наше недоумение, что мы готовы ради его все вверх дном повернуть. Но ведь мы имеем подлинные новозаветные Писания. Там стоит: *Идут сии в муку вечную*.

Затем, сколько ни есть переводов Нового Завета — во всех стоит: *Идут сии в муку вечную*. И никаким переводчикам никакого повода не представилось и в голову не пришло как-нибудь иначе перевести эти страшные слова: *в муку вечную*. Потому не может подлежать сомнению, что Господь именно так сказал. Истолковывать же тут нечего — слова ясны без толкования. Пытались дать слову *вечный* кривое толкование, — не верующие, а неверы, — будто *вечный* означает здесь относительную вечность: долго-долго, но не без конца, долго так, что эта длительность покажется вечностью, но все же и конец будет. Что такое толкование криво, обличает тут же стоящее другое слово: *в живот вечный* (Мф. 25, 46). *Живот вечный* и кривотолки понимают как имеющий быть без конца. Так надо понимать и *муку вечную*. Оба изречения стоят в одинаковых условиях. Что разумеется об одном, нельзя того отрицать у другого. Если живот без конца, то и мука без конца.

Извольте теперь спросить свою детскую веру, видит ли она, что Сам Бог сказал, что муки вечны? Ну как не видеть?! А если видит,

пусть так и верует от всей души, и всякое противное тому недоумение гонит прочь, не отдаваясь ему в плен без разбора.

Но дадим на время ход вашему недоумению и спросим его: «Ты какие права предъявить можешь на свое существование?» — «Недоумеваю, — говорит, — как согласить можно вечные муки с благодатью Божией, с беспредельным Божиим милосердием. Ведь страсть какие муки указываются! Огонь неугасающий, червь неусыпающий, тьма кромешная, скрежет зубов! Господи мой батюшка! Как благодутробный Господь будет смотреть на такие истязания?! Господь нам заповедал прощать. Сам ли не простит? Он молился на кресте за согрешивших против Него страшнейшим согрешением, — таким, больше которого нет уже и быть не может. Неужели нельзя Ему простить в будущей жизни?»

Что же скажем мы такому недоумению?! Ты стоишь за благодать и милосердие Божие. Но речь твоя имела бы смысл, если бы вечность мук определили люди — безжалостные и неумолимые ригористы. Тогда резонно было бы возразить им: «Ваше положение

не может быть принято, потому что оно противно благодати Божией». Но когда такое определение постановил Сам Господь, — всеблагий и всемилостивый, то уместно ли как бы в лице говорить Ему: «Быть не может, это противно Твоей благодати?» Как будто бы Он говорил не знать что? Разве Он переставал быть благим, когда изрек сие? Конечно, нет. А если не переставал быть благим, то нет сомнения, что такое определение совершенно согласно с Его благодатью. Ибо Бог никогда ничего не делает и не говорит, что было бы противно Его свойствам. Для детской веры этого объяснения совершенно достаточно. И я на нем покоюсь более, нежели на каких-либо других разъяснениях, что и вам советую.

Говорите: «Господь на кресте молился за распинателей, — можно ли, чтоб Он казнил кого-либо из грешников вечными муками?»

Господь молился, и молитва Его тотчас принесла плод. Разбойник покаялся, и, уверовав в Господа, открыл себе вход в рай. Сотник исповедал Господа Сыном Божиим, и, освятившись верой, имеется в числе святых. Верно, и все те, которые пошли с Голгофы, бия

себя в перси, не лишились благой части. — Так и все, которые, нагрешив пред Богом, обращаются к Нему в слезах покаяния, всегда получают прощение, и пред ними дверь рая не заперта. Если б все люди, грехам повинные, так поступали, все бы вошли в рай, и ад остался бы занятым одними духами злобы, ожесточенными и нераскаянными. Вы опираетесь на милосердием прощении. Но прощение не безусловно: покайся, и прощение получишь. А нераскаянного как простить?

Господь милосердый всех готов простить, только покайся и прибегни к Его милосердию. Если б и бесы покаялись, и те были бы помилованы. Но как они закаменели в упорном противлении Богу, то и нет им помилования. То же и в отношении к людям. Невозможно помилование тех, которые упорно противятся Богу. Что такие есть, это, думаю, вы знаете. Что многие из таких и на тот свет отходят богоборцами и богоненавистниками, и этого, полагаю, отрицать не станете. Что же их там ожидает? Уж видно что! Как они Бога знать не хотели, то и Бог скажет им: «Не вем вас, отойдите». — А когда такое

решение от Бога изойдет, кто отменит его? Вот и вечное отвержение, — печать ада!

Остается строить надежду, нет ли покаяния за гробом? О, когда бы возможно было это?! Какое бы облегчение нам грешным! Господь столько милосерд, что только покайся, хоть бы то и за гробом, непременно простит. — Но то наше горе, что надежды-то такой не на чем основать. Закон жизни таков, что коль скоро кто положит здесь семя покаяния, хоть бы то при последнем издыхании, то уж не погибнет. Семя сие возрастет и плод принесет — спасение вечное. А коль скоро кто здесь не положит семени покаяния и перейдет туда с духом нераскаянного упорства в грехах, то и там навеки останется с тем же духом, и плод от него вовеки будет пожинать по роду его — Божие вечное отвержение.

В притче о богатом и Лазаре Авраам отвечает богачу: *Между нами и вами пропасть велика утвердися, яко хотящии перейти отсюда к вам не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят* (Лк. 16, 26). Какое решительное разделение одних от других! Я беру здесь из притчи только одну эту черту, что коль

скоро кто, перешедши в другую жизнь, попадет налево, то ему уже нет перехода направо. Но в притче сей проглядывает и та мысль, что на том свете, если б и возможно было кому бросить свое грешное упорство, то это не принесет уже ему пользы. Так по закону правды: приял благая в жизни, а там терпи (см. Лк. 16, 25). Увы нам грешным! Поспешим поскорее покаяться здесь и получить разрешение, разрешающее навеки не для земли только, но и для неба.

Так видите, в чем дело! Посему или пусть ваше сердоболие сделает всех грешников покаявшимися, или пусть согласится, что возможна часть людей, которые не получают прощения и будут осуждены, по причине нераскаянного упорства.

Уж не питатели ли вы такого чаяния, — чтоб Бог державной властью Своей простил грешников и ввел их в рай? Прошу вас рассудить, угодно ли это и угодны ли такие лица для рая? Грех ведь не есть что-либо внешнее, а внутреннее и внутрь проходящее. Когда грешит кто, грех весь состав его извращает, оскверняет и омрачает. Если простить

грешника внешним приговором, а внутри его все оставить как было, не вычистив, то он и после прощения такого останется весь скверен и мрачен. Таков будет и тот, кого бы Бог простил державной Своей властью, без внутреннего его очищения. Вообразите, что входит такой — нечистый и мрачный — в рай. Что это будет? Эфиоп среди убеленных. Пристало ли? И у нас когда строятся общества какие, то в состав их входят обыкновенно однородные, — лица другого сорта и сами не захотят вступить в него и, если б почему-либо захотели, не будут приняты. То же и рай, примет в себя только однородное, — чистое и пречистое; а все неподходящее под сию норму не может войти туда.

Положим даже, что какими-либо судьбами грешник втянут в рай; что он там будет делать?! Для него и рай в ад превратится. Вкусить сладостей райских у него нет органа, а чрез то, что там все противоположно его настроению, он будет тесним и гнетом так, что и места не будет находить. Введите вы в круг людей высшего тона человека простеца — для него пребывание среди них будет настоящая

пытка. То же должен испытывать и грешник, если неочищенным втянуть его в рай.

Скажете: «Ну, так очистить его». — Уж это опять не державной ли властью милосердного Бога?! Если б возможно было так, то и здесь на земле давно уже не было бы ни одного грешника. Сказал бы Бог: «Да будут все святы», — и все стали бы святы. Но в том-то и дело, что очищение не может совершиться без участия произволения, которого если на земле не доставало, то тем паче не достанет на том свете. Да хоть бы и появилось оно, не к чему ему рук приложить. Начало очищения — покаяние, а на том свете ему места нет; и если бы было, нет возможности завершenu и запечатлену ему быть та́инственным разрешением, ибо это возможно только здесь. После покаяния очищение продолжается и до конца доводится подвигами самоумерщвления и благотворения, постами, милостынями, молитвами. Все это на том свете неприменимо. Нечего, стало быть, ожидать там и очищения.

Итак, хотите или не хотите, а должны согласиться, что неизбежно некоей части людей остаться за дверьми рая.

Полагаю, что, слыша это: за дверьми рая, — ваше сердоболие несколько успокаивается: пусть за дверьми рая, но эти пытки и истязания: огонь неугасающий, червь неусыпающий, скрежет зубов, тьма кромешная, — ужас как поражают. Но что же тут?! За дверьми рая — ад. А ад уж, как ни умягчайте слова сего, — есть место мучений. Юродивые девы остались прямо за дверьми женихова чертога и будто никаким мукам не подверглись. Но надо судить не по сему внешнему, а по тому, что у них на душе, как они стали себя чувствовать после того, как выслушали навеки отвергающий их глас женихов. Степени как в раю блаженства, так в аде мучений, конечно, будут; но на всякой степени как в рае святые блаженство будут пить полными устами, так в аде — грешники муки претерпевать до последней меры терпения, такой, что если еще немного прибавить, то все естество разлетится в прах; а оно все же не будет разлетаться, а все мучиться и мучиться, и это без конца.

Выражения *червь неусыпающий, огонь неугасающий* (Мк. 9, 44) и прочее и означают только эту крайнюю меру мучений для

всякого, а состоять они будут, может быть, и не в этом. Как о блаженстве праведных Апостол сказал, что уготовано для них то, что око не видало, ухо не слышало и на сердце человеку не всходило (см. 1 Кор. 2, 9), так о муках грешников надо сказать, что хотя несомненно, что они будут в крайней мере для каждого, и будут как душевные, так и телесные, но в чем именно они будут состоять, определительно сказать нельзя. В слове Божиим для обозначения сего берется то, что бывает самым мучительным на земле, равно как и для обозначения блаженства берется то, что на земле считается самым великим и обрадующим, но чтоб именно, как в том, так и в другом, было это самое, сего сказать нельзя. Там будет все ново: ново небо и нова земля, — новы и радости и муки.

Конечно, все сие страхом поражает. Но затем это и открыто, чтоб, поражая страхом, вразумлять и остепенять грешников. Если б Бог радовался мукам грешников, Он и не открыл бы об аде, но как не хочет смерти грешника вечной, то и открыл, что ожидает грешника, чтоб, зная то, грешник не давал себе воли, а если

уж случится нагрешить, поскорее обращался опять к Господу и каялся. Я знал одного человека, который имел обычай говорить: «Какую премудрую вещь придумал Господь — смерть и ад! Не будь их, пустился бы во вся тяжкая». Говорят ему: «Да ты закрой глаза и не смотри на эти страсти, или изгони из сердца веру тому». Отвечает: «И рад бы закрыть глаза, да не закроешь: все им видится смерть и ад. А что касается до прогнания веры, уж я все перепробовал, чтобы прогнать ее, и всякие под нее подкопы делал; нет, — все вяло и гнило, что ни придумаешь. Как истина смерти неотразима, так и истина вечного ада стоит несокрушимо. Нет уж, лучше крылышки-то подвязать и как-нибудь потише себя держать».

Вы сердобольствуете. А Господь разве не сердобольствует?! Окончательное Свое отвержение: «отойдите», — думаете, Он так произнесет, ни с того ни с сего?! Нет, это Он скажет уже по испытании всевозможных средств к побеждению упорства нераскаянных грешников. Сколькими заботами окружает Он всякого грешника, чтоб образумить его! И уже когда все испробует и ничем

не одолеет его, говорит: «Ну, оставайся!» Это здесь; а на Суде скажет ему вместе с другими подобными ему: «Отойди!» Видим на Израиле. Бился-бился с ним Бог, наконец решил: *Се оставляется вам дом ваш пуст* (Мф. 23, 38). Так бывает и со всяким грешником отверженным. Отвержение его окончательное решается после того, как с ним уже ничего не поделаешь, — как уж он закоснеет в упорстве своем. Вы одно то решите: возможно ли осатаниться человеку? — Конечно, возможно. А если возможно, то куда его будет девать, как не поместить с бесами, коим уподобился? Вы все упираетесь на благодать Божию, а о правде Божией забываете, тогда как Господь *благ и праведен* (Пс. 24, 8). Правда Божия вступает в силу, когда благодать истощает уже все средства.

Спириты придумали заменить ад множеством рождений грешащего. Очень неудачно. Потому что кто остался неисправным в одно рождение, тот может продолжать его и во второе, и не только продолжать, но и углубить, или тем неизбежно и углубит, что продолжит. Но что было во второе, то может быть

и в третье рождение, и так далее, — до осатанения. А для таких уж, конечно, неизбежен ад.

Иным думается, что без наказания и мук грешников, конечно, нельзя оставить, но эти муки не будут вечны: помучатся-помучатся отверженники, а потом и в рай. — Страсть как хочется нам казаться милосердее Самого Господа! Но и эта выдумка несостоятельна, ибо ад не есть место очищения, а место казни, мучащей не очищая. Сколько ни будет жечь кого ад, жегомый все будет такой же нечистый, достойный того же жжения, а не рая. Жжению потому и не будет конца.

Но пусть бы и так, — уступим нелепое. Нам-то с вами, о сем рассуждающим, если мы грешны, какая от этого выгода? — Никакой! Мука все же будет, а кто знает, какая она? Может быть, так будет больно, что одна минута покажется во сто лет. Припоминаю при сем одно сказание. Некто благоговейный, кажется мирянин, делал много добра, но проскользали и грешки. Для очищения его от сих грехов Господь послал ему болезнь, которая не поддавалась лекарскому искусству. Терпел он, терпел, и возмалодушествовал, и стал

плакаться пред Господом. Господь послал к нему Ангела, который, явясь, сказал ему: «Что жалуешься? Для твоего же блага Господь послал тебе эту болезнь, чтоб очистить тебя от грехов твоих. Очистишься — и болезни конец. Ибо если здесь не очистишься, то на том свете гореть будешь». Тот с горести крайней и скажи: «Да уж лучше бы на том свете отмучиться!» (Это будто на руку тем, которые думают, что мучения временны, но цель сказания не та.) «Хорошо, — сказал Ангел. — Хочешь? Тебе следовало еще болеть три недели или три месяца. Там тебе за это помучиться придется три секунды». — «Три секунды, — думает себе больной, — что тут?» И согласился. Как согласился, так обмер. Взял Ангел его душу и отнес в место мучения. — «Три секунды, — проговорил он больному, — терпи. Я тотчас приду, как они пройдут», — и скрылся. Как начало жечь этого бедного, как начало жечь, ужас как больно; но терпел, думая: «Три секунды... сей момент кончится». Но боль все больше и больше, и кажется, пора бы уж и Ангелу прийти, а его все нет и нет. Уж ему показалось, что неделя прошла, год прошел, десять

лет прошло, а Ангела все нет и нет. Мочи наконец не стало. Как закричит! Ангел тотчас явился и спрашивает: «Что тебе?» — «Да ты сказал, что три секунды помучиться, а тут уж лет десять прошло». — «Каких десять лет? Всего десять терций». «Ой! ой! ой! Батюшка ты мой! Если так, возьми меня поскорее отсюда назад. Тридцать лет готов лежать в той болезни, только отсюда возьми». — «Хорошо», — сказал Ангел, внес его опять в тело, и тот ожил. И уж не заикался более о тяготе своей болезни. — Это сказание сохранено для внушения нам грешным того главного, чтоб благодушно терпели прискорбности, посылаемые для нашего очищения от грехов. А я беру из него, по поводу речи нашей, только измерение длительности адских мучений. Видите, какая страсть? Одна терция годом показалась. А чем год покажется? Чем десятки, сотни лет? Это ужас!! — Нет! уж давайте лучше бросим всякий грех и, Господу веря без мудрования во всяком Его слове, покаемся и начнем жить свято, сколько сил есть, — не обманывая себя той пустой надеждой, что ведь немного придется помучиться, ничего!

Мудрование наше ничего доброго нам не дает, а только высокоумие плодит и руки и ноги расслабляет на делание добра и бегание зла. Бросим его! Наживешь с ним добра. Нашему мудрованию все представляется так гладко и широко. Живи себе, как хочешь: природа! Умрешь — Бог милостив! Если и достанется немного, — так это ничего, пройдет. Его бы устами мед пить. А там, как умрешь, схватят сударики, бросят в теплое местечко и запрут крепкими запорами; кричи не кричи — никому дела до нас не будет: эти уж определены к месту. Так там и останешься на вечные веки. Вот и намудрил. Прогоним это мудрование и покоримся вседушно простой вере. Если б не было откровения, делать бы нечего, — мудри. А при откровении какая стать мудрить? Уж нам не придумать лучше того, что Господом постановлено. Мудруем, стало быть, попусту, и не только попусту, но и без толка, ибо знаем, что не смудрить только надо, но и привести то в дело, а власти то и силы, видимо, нет в наших руках.

Это все враг надувает в уши такие умничанья, и особенно ныне плодит их. Ничто

так не сильно остепенять, как страх адских мучений. И скольких избавляет от греха или ведет к покаянию память о сем?! Вот враг и покушается всячески отстранить эту остротку. Ведь какой хитрый! За Бога стоит, благость Божию защищает; а между тем против Бога вооружает и богоборцами делает. «Ты у меня, — говорит, — умник или умница, живи, как хочешь. А что там ад и муки, — этого ничего нет. Попы да монахи выдумали, криво толкуя слово Божие». — Каков! Развесили уши наши красавцы и красавицы — и пустились во вся тяжкая. А враг стоит да зубы скалит и в ладоши бьет. Сколько добычи нахватал он сим способом в ад свой?!

У вас еще прописано: «Как праведные будут наслаждаться невозмутимым счастьем при сознании, что где-то страдают живые существа и будут непрестанно страдать? Если они смогут быть счастливыми, то они перестанут быть праведными, и такая безучастность к ближним на небе ввергла бы их в ту же геенну, от которой они избавились, практикуя сострадание и любовь к страждущим на земле». — Это чисто адвокатский прием — пускать

пыль в глаза софизмами. Если праведников за несострадание к отверженным осужденникам — в ад, то Бога-осудителя куда?! — Вы все забываете, что ад не человеческая выдумка, а Богом учрежден, и по Божиему же присуждению будет наполнен. Так открыл Он нам в слове Своем. Если так, то, стало быть, такое действие не противно Богу и не нарушает, скажем так, внутренней гармонии Божеских свойств, а напротив — требуется ею. Если в Боге так, то как это может расстраивать блаженное благонастроение праведных, когда они един дух суть с Господом? Что Господь считает правым и должным, то и они. Сочтет Господь должным послать в ад нераскаянных, так будут сознавать сие и они. И состраданию тут места нет. Ибо отверженные Богом отвергнуты будут и ими; чувство сродности с ними пресечется. И на земле духовное родство бывает совсем иное, чем естественное, и коль скоро последнее несогласно с первым, то оно охлаждается и совсем исчезает: родные кровно делаются чуждыми друг друга. Это внушил Господь, когда сказал: «Кто мать Мне и брат» (см. Мк. 3, 33), — и ответил: «Творящие волю

Отца Моего» (см. Мф. 12, 50). Если на земле так, то на небе это обнаружится в крайней силе, и особенно после Последнего Суда. Отверженные будут иметься наравне с теми, в чье место они пойдут, кому уготован огонь вечный.

Вы продолжаете: «Неужели я погибну за то, что призадумаясь над этой дилеммой и скажу себе: тут что-то не так; или не так переведено, или не так истолковали слова Спасителя?» Погибнете ли вы из-за этого недоумения, не мне решать, а Испытующему сердца, Который видит все, видит, как и почему зарождаются мысли, и соответственно тому винит или обезвиняет. Но должен сказать вам, что небезопасно поперечить явному определению Божию в угоду своим мудрованиям, софистический строй которых так очевиден. Что приходят недоумения, в этом не всегда есть грех; но когда при появлении их тотчас становится кто на сторону их, то тут есть лукавство слабоверного и небоголюбивого сердца. Я уже поминал вначале, что недоумений не должно допускать до сердца, но, как только появятся, отбивать их, а затем, дав

покой вере сердца, спокойно искать разъяснения, не беспокоясь слишком, если и не придется тотчас найти его, ибо вера наша стоит на твердом камне: Бог повелел верить.

Но это уже писано; я привел вашу речь, чтоб оговорить следующую фразу: «или перевели не так, или не так истолковали». Это значит, что вы полагаете возможным думать, будто у нас нет подлинного слова Божия и нет правильного истолкования его. — Где вы захватили такую премудрую мысль?! Вот греческий подлинник Нового Завета; вот славянский перевод наш, совершенно с ним согласный, равно как и русский. Читайте там, читайте здесь, всюду вы будете читать истинное слово Господа Спасителя нашего. — А что слово сие истинно понимается и правильно толкуется, в этом поручительница вам Святая Церковь, которую Сам Господь поставил быть столпом и утверждением истины. Вот наша охрана! И избави нас Господи допустить противные сему мысли! — Если допустим такие мысли (то есть или подлинника нет, или толкование не право), то на чем остановимся и на чем оснуемся своими мыслями? Надо

будет или совсем оставить слово Божие, как заподозренное в неподлинности, или, держа его в руках, доискиваться по догадкам, что можно почесть подлинным; а это то же, что сочинять самим себе слово Божие. Се путь Штраусов и Ренанов! Оба эти приема стоят один другого. Ибо действитель — там и тут — все тот же разум. А посмотрите-ка по истории, сколько напутал этот разум?! — И придется плутать. Боже избави! Вот у соседей наших (на Западе) ум орудует по делам веры. И чего-чего там не наплели?! Избави нас Господи от такой беды! Отобьемся от берега — начнут бросать нас туда и сюда волны мудрований разума. — И пропадем.

Вы заключаете: «Если ответите, что не мое дело рассуждать, — надо верить слепо, то придется просто замолчать, оставаясь, однако ж, к несчастью, при своем недоумении». Нет, я не скажу, что не дело кому-либо рассуждать о делах веры. Куда же нам девать разум-то свой? Но скажу, что рассуждение рассуждению рознь, а иное хоть брось. Рассуждать рассуждайте, но покорности вере не ослабляйте и не расшатывайте, потому

что это есть покорность Богу, против Коего спорить нельзя. По-вашему выходит: не рассудишь, — вера слепа. А на деле, как я уже писал, так есть, что вера не слепая, а видящая не та есть, которая рассуждает о предметах веры, но которая искренно и непоколебимо верит, основываясь на том убеждении, что так Бог повелел верить, как дитя без рассуждений верит слову отца и матери. Рассуждение приходит к вере, и пусть его рассуждает согласно с верой, не присвояя, однако ж, большего веса себе самому. Мы обычно, когда рассудим о чем, полагаем, что уж и не знать какое великое дело сделали, услугу вере оказали, подкрепили и поддержали ее. А в существе дела рассуждение ничего не придает силе и значению веры. Напротив, кто в деле веры начнет давать более веса своему соображению и рассуждению, тот тем самым умалит значение своей веры пред Богом, как умаляют силу вина, подливая в него воды. Кто своему рассуждению дает много веса, тот разуму своему верит, а не Богу. И собственно, тут уже нет веры. — Так-то: рассуждать отчего не рассуждать, только в области веры всегда

надо рассуждать по началам веры и с покорностью вере вящей, чем внимание к своему рассуждению.

Кажется, теперь я уже все сказал вам, что нужным считал сказать по вашему письму. И кончаю. Благослови вас Господи!

